

неупорных глин. Открытие в 1931 г. месторождения бокситов коренным образом изменило судьбу старого поселка, и на карте вместо Турьинских рудников появился город Краснотурьинск.

*Сафронова А.М.
(Екатеринбург)*

В.Н.ТАТИЩЕВ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВОЙ ШКОЛЫ РИСОВАНИЯ НА УРАЛЕ

С именем В.Н.Татищева, начальника казенных заводов Урала и Сибири, связано открытие в Екатеринбурге в 1735 г. первой на Урале школы знаменования, действовавшей более полувека. После издания Устава народных училищ 1786 г. эта школа слилась со словесной, арифметической и немецкой в единую горную школу Екатеринбурга. О школе знаменования имеются лишь отдельные упоминания в литературе¹, поэтому цель данной статьи – показать роль В.Н.Татищева в организации деятельности этой школы и раскрыть основные вехи ее истории.

Хотя в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах» Татищев отнес знаменование и живопись не к полезным, а к щегольским наукам наряду с поэзией, музыкой, танцами, вольтежированием, он все-таки подчеркнул особое значение этого предмета: «Знаменование же во всех ремеслах есть нужно»².

Термин «знаменовать» в словаре В.И.Даля разъясняется как «налагать знак, метить, помечать, обозначать...», слово «знамя» – это знамя, печать, клеймо, подпись или рукоприкладство, также чертеж, изображение, рисунок³. В XVIII в. под знаменованием понимали рисование карандашом, пером, тушью, красками.

При составлении первого штатного расписания уральских заводов 1723 г. Татищев предусматривал в Екатеринбургской арифметической школе должности учителей арифметики и геометрии с годовым жалованьем 24 руб., чертежей (36 руб.) и знаменования с окладом 48 руб., заметим, в два раза выше, чем у учителя математики⁴. Берг-коллегия при рассмотрении штатов в феврале 1724 г. решила возложить преподавание знаменования и чертежей на одного учителя с жалованьем 48 руб., «требовать оного от Артиллерии», т.е. из Московской артиллерийской школы⁵. Но через несколько дней, рассматривая повторную просьбу уральского начальства о присылке учителя знаменования, члены Берг-колле-

гии изменили свое решение: «в учителя велеть брать из тамошних», отправленных на уральские заводы из Артиллерийской школы, «а нарочных из Санкт-Петербурга туда посылать есть не без убытка, понеже станут требовать великаго жалованья»⁶. Такая политика Берг-коллегии затормозила подготовку людей, знающих знаменование, на долгие годы. В какой-то мере эти навыки прививались наиболее способным учащимся Екатеринбургской арифметической школы, обучавшимся чертежному искусству: их учили тушевать, раскрашивать планы заводов, рудников.

Через два месяца по возвращении на Урал в качестве начальника заводов, в декабре 1734 г., Татищев снова начал хлопотать о найме учителя знаменования в Петербурге. На заседании Канцелярии Главного заводов правления Татищев с А.Хрущовым и И.Рудаковским 12 декабря 1734, «разсуждая о содержании здешних школ, что в тех школах ученики обучаютца словесному и арифметики, и иные отчасти и копированию чертежей, токмо в знаменовании тех школьников обучать некому, согласно определили: в Правительствующий Сенат послать доношение, чтоб для оной науки повелено было прислать из учеников Академии[и] наук в знаменовании искусного одного человека»⁷.

Поскольку Татищев при новом назначении получил право обращаться по всем важным вопросам непосредственно в Кабинет министров и к Анне Ивановне, 3 января 1735 г. он лично просил о присылке учителя знаменования и архитектора кабинет-министров: «Також весьма нам нужно иметь здесь для научения детей знаменования, а для надзирания в каменных строениях архитектора, каковы из обученных при Академии, мно, способны найдутся. А понеже нам архитектор не столько для украшения, сколько для укрепления нужен, то прошу, чтоб повелено было прислать такого, которой бы уже практику имел»⁸. На Урале ежегодно вводились в строй новые заводы, плотины, строились крепости, активно обустроивался и Екатеринбург, ставший столицей горного края, здесь возводилось много общественных зданий, шло бурное частное строительство, поэтому просьба о присылке архитектора была вполне уместной.

В тот же день Татищев составил инструкцию посылавшемуся в Саксонию на поиск мастеров питеймейстеру Улиху, служащему уральских заводов. Кроме мастеров Улих должен был нанять трех учителей для открывавшихся школ латинского и немецкого языка, один из которых

«чтоб в мафематике и знаменовании мог обучать»⁹, т.е. Татищев предполагал обучать рисованию и учащихся немецкой школы, куда собирался привлечь в первую очередь детей горных офицеров, управителей заводов и мастеров.

Ясно, что в подготовке будущих специалистов рисование должно было, по мысли Татищева, занять достойное место, не случайно он включил этот предмет и в программу обучения четырех уральцев, которых Улиху поручалось определить в гимназию Академии наук¹⁰.

Но и на этот раз столичные власти внесли коррективы в планы Татищева. Кабинет-министры, рассудили, что достаточно будет одного человека, который мог бы исправлять должность архитектора и одновременно обучать детей. Об этом свидетельствует текст двух документов. Именным указом от 25 апреля 1735 г. Татищеву сообщалось, что Академии наук повелено представить архитектора для учения детей знаменованию и укрепления строения¹¹. В самом этом повелении, отправленном из Кабинета в Академию 29 апреля, приказывалось представить архитектора для посылки на заводы «к обучению тамошних обывателей детей». Не возражая прямо Татищеву, не оговаривая мотивов, кабинет-министры придали своему решению вполне положительное звучание.

Но Академия наук располагала единственным архитектором, нужным ей самой, и до осени 1735 г. никаких шагов в поиске архитектора, не предпринимала. Между тем Улих, несколько месяцев ожидавший в столице решения верховной власти об отправке его за границу, нашел трех нужных заводам специалистов. Получив об этом известие, Татищев 21 сентября 1735 г. написал кабинет-министрам: Улих «сыскал иноземцов ремесляных, которые суда ехать охоту имеют, а имянно, архитекта, часового мастера и знаменования учить, в которых нам немалая нужда...». Татищев сообщил, что отправил уже доношение в Сенат о принятии этих специалистов, кабинет-министров же просил, «чтоб в Сенат повели о том напамятовать». Татищев не надеялся на скорую реакцию этого высшего органа, в этом же письме, ходатайствуя о присылке управителей на заводы, отмечал: «Я было не хотел утруждать вас, о людях хотел представить в Сенат, но, видя, что днесь чрез 7 месяцев и более на посланные доношения никакого определения не получал, оставил»¹².

Президент Академии наук И.А.Корф 6 октября 1735 г. доложил кабинет-министрам о явке в Академию иноземца инженера Шварца, требующего службы, который «может и архитектурную должность отпра-

вить», он и был представлен кабинету¹³. Через 10 дней Христоф Шварц подал прошение о принятии его на уральские заводы, подписавшись как «гамбурец» – житель Гамбурга. Через полмесяца, 1 ноября, представил и собственноручные чертежи как свидетельство познаний в инженерной науке¹⁴.

Вероятно, Улих подыскал иного кандидата на должность архитектора, но не представлял его в Сенат, ожидая предварительной санкции Татищева. Получив ее и узнав о Шварце, Улих 3 ноября сообщил в академическую канцелярию: «а знаменования учителя Дункеля я здесь приискал, который в Сибирь ехать охоту имеет». Улих просил Академию наук освидетельствовать как архитектора, так и учителя, чтобы он мог о них представить в Сенат, как ему приказывал Татищев¹⁵.

Академия признала Шварца годным в архитекторы. Дункель представил образцы своего рисовального искусства в «разных фигурах». Для более объективной оценки его способностей Академия привлекла живописца Кадетского корпуса Ведекена. И в отношении Дункеля академическое начальство приняло положительное решение¹⁶. Но ни архитектор, ни учитель на Урал так и не были отправлены, хотя 29 октября 1735 г. кабинет-министры на вторичную просьбу Татищева ответили положительно: «По требованию вашему архитекта велено приискать а Академии, а как приискан будет, то оной к вам пришлется»¹⁷. Причины, по которым отправка уже найденных специалистов не состоялась, нам не известны.

Проблему с учителем знаменования пришлось решать на месте. Поскольку из столицы уже прибыли учителя немецкого и латинского языков, готовилось открытие иноязычных школ, ставших первыми школами повышенного типа на Урале, Татищев решил открыть одновременно и школу знаменования. Ранее такой предмет ни в одной школе Урал не преподавался, в Екатеринбурге же сразу открывалась школа. 3 ноября Татищев и члены канцелярии заслушивали итоги переписи детей школьного возраста на горнозаводском Урале и наборе в Екатеринбурге 152-х детей для обучения, назначили учителей, обучение знаменованию поручили Миرونу Аврамову¹⁸.

Примечательно, что и после этого назначения, Татищев продолжал настаивать на присылке учителя из Петербурга вместе с архитектором: в феврале 1736 г. Татищев с Хрущовым обосновывая невозможность сокращения должностей в новых заводских штатах 1735 г., как предлагал

Кабинет министров, просили прислать еще ряд специалистов, в т.ч. отмечали: «в школу весьма нужны учитель знаменования один, механики и архитектуры один или два...»¹⁹.

Татищев не отказался от идеи заполучить учителя из столицы, более того, аппетиты его выросли, он хотел иметь специальных учителей механики и архитектуры, т. е. намеревался ввести преподавание архитектуры в одной из школ Екатеринбурга, вероятно, в знаменованной. По сути, Татищев подхватил идею верховной власти об архитекторе как учителе. Параллельное использование архитектора по прямому назначению, в принципе, не исключалось. Знание же основ архитектуры будущим заводским специалистам, безусловно, пригодилось бы. К тому же для преподавания архитектуры в Екатеринбурге имелась достаточная учебная база: в личной библиотеке Татищева, привезенной им в Екатеринбург, было немало новейших западноевропейских изданий по архитектуре и строительству крепостей на немецком языке. Заметим, основы архитектуры были включены Уставом народных училищ 1786 г. в программу обучения детей в главных народных училищах, открываемых Екатериной II в губернских центрах России. Для горнозаводского Урала, где в 30-е гг. XVIII в. велось широкое строительство, знания архитектуры были как нельзя кстати. Но Кабинет министров словно перестал замечать просьбы Татищева, и ни архитектора, ни учителя знаменования из столицы так и не прислали.

В проекте новых заводских штатов (июнь 1737 г.) Татищев увеличил число учителей в знаменованной школе до двух: один должен был учить знаменованию с жалованьем 36 руб., другой – живописи с жалованьем 60 руб. в год. В немецкой школе предполагался свой учитель знаменования и чертежей с жалованьем 120 руб., при нем помощник (жалованье 24 руб.)²⁰. Это штатное расписание свидетельствует, что Татищев по-прежнему стремился расширить преподавание знаменования и живописи, хотел выделить их в качестве самостоятельных предметов.

Татищев ввел знаменование в качестве предмета и для учащихся немецкой школы, причем эти занятия, как и по математике, должны были идти на немецком языке. Хотя с отправкой Улиха в Саксонию и найме там учителя знаменования и математики ничего не вышло (верховные власти на это не пошли), Татищев не отказался от намерений ввести этот предмет в немецкой школе. Но этим широким планам не суждено было претвориться в жизнь – хотя штаты 1737 г. и стали действующими,

причем на протяжении десятков лет, эти учительские должности продолжали оставаться не занятыми, так как из-за большого числа учащихся, получавших казенное жалованье, перерасход штатных средств на школы стал хроническим, и в 1742 г. пришлось резко сократить как сеть школ, так и число учащихся в них.

В Екатеринбурге с 1735 г. знаменование и основы живописи преподавал на протяжении 15 с лишним лет Мирон Аврамов – до своей смерти в 1753 г. (в 1745–1747 гг. школа временно закрывалась). В справочнике А.В.Козлова о нем дается краткая информация: «Мирон Васильевич Аврамов (1682–1753). Один из первых уральских графиков, живописец. Он обучался живописи и шпалерному делу в Петербурге. Затем исследовал месторождения минеральных красок на Уралѣ (1726), работал живописцем на заводах Демидова (1730–1733), преподавал черчение, рисование и живопись в екатеринбургских школах (1735–1753). В 1753 г. обследовал месторождение краски темной мумии возле Сысерти»²¹. В.Н.Будрин отмечал, что Миронов – тобольский беспоместный дворянин, с 1719 г. служил в солдатах, в момент назначения учителем ему было 37 лет²².

Об Аврамове нам удалось выявить ряд новых документов, уточняющих этапы его деятельности до назначения учителем. В протоколах Берг-коллегии за декабрь 1721 г. о нем имеется такое решение: «живописцу Аврамову за ево искусство в живописном мастерстве, которое в Берг-коллегии объявлено, и дабы он к тому наипаки прилагал прилежание и наилутче, к прежнему ево окладу прибавить по рублю ж на месяц...и в Штатс-контор-коллегию в общем именном списке...как о протчих Берг-коллегии служителях будет посылатца, объявить имянно». Деньги выдавать на счет Кабинета, «понеже шпалерное дело содержится на кабинетных деньгах»²³. Видимо, Аврамов состоял на службе в Берг-коллегии, и в конце 1721 г. состоялось решение об обучении его шпалерному искусству для потребностей Кабинета Петра I, либо об участии в этих работах. Аврамов был юным, в возрасте 23 лет. На Урале в 1726 г. он побывал временно: начальник заводов Геннин отмечал в указе 1728 г.: «в прошлом 726 году в бытность твою в Екатеринбурхе доношением ты меня просил, чтоб тебя к сысканию всяких красок на оные заводы определить»²⁴.

Указ Геннина об этом назначении был дан Аврамову 8 апреля 1728 г. в столице: «И того ради по получении сего е.и.в. указу ехать тебе отсель в Сибирь на Екатеринбургские заводы и искать со всякою ревностию и

радением всякие разные краски, которые ты в доношение ко мне объявил, да и сверх того какие сыскать можешь...». Найденные краски Аврамов должен был объявлять в Сибирский обер-бергамт для отправки в Берг-коллегию²⁵. Аврамов подтвердил в одной из сказок: «прибыл сюда в Екатеринбург в 1728 году для прииску красок²⁶. На заводах Акинфия Демидова Аврамов работал в 1730–1733 гг., вероятно, писал иконы. Плохого живописца Демидовы вряд ли бы стали держать.

Когда по инициативе Геннина начала строиться каменная церковь святой Анны в Екатеринбурге, в октябре 1733 г. в обер-бергамте он вынес единоличное решение: заблаговременно «писать надлежащие в ней быть образы и иконостас», пока «маляры» и резчики, затребованные у митрополита Тобольского и Сибирского Антония, не прибыли в Екатеринбург, вызванному с демидовских заводов Аврамову готовить холст на «образы», прикреплять его к рамам, грунтовать. Для этого подобрать «особливую квартиру», топить ее, дать свечи. Холст сшивать находящимся под караулом женкам или «присыльным» за указную плату. Для помощи в изготовлении грунтовых красок дать из школьников одного человека. Аврамову платить по 4 руб. в месяц, школьнику – по 2 коп. на день, ставить деньги на церковный счет в 2 тыс. руб.²⁷ Таким образом, Аврамов во второй раз был нанят Генниным в связи со строительством новой церкви. Примечательно, что «образы» и иконостас должны были делаться «по учиненному от него, герала-лейти[н]анта абрису» (рисунку).

В ноябре 1733 г. был отправлен в контору Коммерц-коллегии в Москву заказ на краски и на двух, «знающих силу в тех красках людей». Но краски так и не прислали, поэтому в марте 1734 г. был отправлен нарочный в Москву к приказчику Демидова и к фабриканту Томилину с просьбой о красках, но ни золота, ни серебра достать так и не удалось. Из-за этого работы по написанию икон в Екатеринбурге с июля 1734 г. приостановились и вновь начались лишь через полтора года в декабре 1735.

Об этом становится известно из протокола заседания канцелярии от 19 декабря 1735 г. в связи с прошением Аврамова о выплате ему жалованья по окладу, какой был определен «во время письма образов в здешнюю церковь»²⁸ Видимо, с возобновлением этих работ Аврамов и подал такое прошение. По справке оказалось, что он «был на воле» с июля 1734 г. до 3 ноября 1735 г., до назначения учителем знаменованной школы, т.е. из-за отсутствия красок перестал получать жалованье из казны. К тому же в ап-

реле 1735 г. Татищев приказал строительство церкви прекратить, «для малости оной разобрать» и построить новое здание. В связи с этим Аврамов сдал оставшиеся у него краски и «образы», уже «отделанные» были приняты в церковь, неотделанные – в заводскую контору²⁹.

В XVIII в. художник считался человеком вольной профессии: перестал работать, хотя и не по своей вине, не стало и жалованья. «Простой» у Аврамова длился 15 месяцев. Члены канцелярии Татищев, Н.Клеопин и И.Юдин решили: жалованье ему за те месяцы не давать, «ибо он тогда может работал постороннее, для того, что был свободен». На учительской должности ему положили те же 48 руб. в год, с 1736 г. – 60 руб., как планировалось новыми штатами³⁰.

Получив 3 ноября 1735 г. назначение учителем, 22 ноября Аврамов затребовал «припасы» для обучения школьников, которые ему были выданы из канцелярии³¹, с 24 ноября начались занятия: это число указано в ведомостях школьников как время «вступления в науку». Аврамову дали из арифметической школы 4-х учеников: сыновей молотовых мастеров Ивана Борисова и Андрея Оберехтина, сына молотового подмастерья Ивана Юдина и солдата Семена Звонарева³². Ученики были уже зрелыми юношами 18 и 20 лет. Их отобрали как наиболее способных к рисованию и живописи. Следующее пополнение школы произошло через год. В сентябре 1736 г. снова направили четверых, но уже из словесной школы: сына мастера Ивана Денисова, детей молотовых подмастерьев Кирилла Шагова и Тита Михалева (12-летних), капральского сына Гаврилу Панаева (15 лет). В мае 1739 г. поступило еще семеро из арифметической школы (трое детей мастеров, кузнеца, капрала, солдата 12–14 лет: Агап Палкин, Павел Барышников, Иван Мокронос, Петр Коптелов, Степан Лопаницын, Егор Сунгуров³³.

По «Учреждению» Татищева 1736 г. (его новой школьной инструкции) учащиеся школы знаменования в определенные часы должны были заниматься в арифметической школе, обучаться токарному, столярному, паяльному, гранильному мастерству, пробирному делу, а ученики арифметической, немецкой, латинской школ – дважды в неделю на 2 часа ходить к Аврамову, учиться рисованию. В начале мая 1738 г. Аврамов сообщал в канцелярию, что ученики из латинской, немецкой и арифметической школ, приходящие в знаменованную, «бумаги ...при себе не имеют, а требуют от оной школы», а лишней бумаги нет³⁴. Судя по аттестатам учеников знаменованной школы, они в конце 30-х гг. XVIII в.

посещали в определенные часы арифметическую школу и параллельно рисованию усваивали математику.

Умения учеников видны из их «удостоинств» и аттестатов, дававшихся учителем в связи с подачей ими прошений об увеличении жалованья или определении к делам. Так, об Иване Денисове в 1742 г. Аврамов показал, что он «набело» «книги рисовальные» «прорисовал» все три части, а также «волдеевы фигуры». «Из иных книг рисовал и тушевал царские персоны и разные фигуры из евангельских притчей, к тому ж рисовал монстров и другие разные фигуры в Главную канцелярию и в аптеку здешнюю, о чем и в Канцелярии[и] не без известно есть, под которыми он, Денисов, и подписывался. Оной же Денисов обучает арифметики пята[ю] статью и в письме своем исправен и во всей помянутой науке против своей братьи учеников искуснее и в том деле силу знает лутчее»³⁵. Возможно, известный художник, уроженец Екатеринбурга, А.К.Денисов-Уральский (1863–1926) – потомок этого ученика, чьи авторские работы украшали стены наиболее важных учреждений Екатеринбурга? О Кирилле Шагове учитель отмечал, что и он «волдеевы фигуры», «цветы» и «другие фигуры» рисовал в аптеку (1742 г.)³⁶.

Ученики знаменованной школы использовались в случае срочных работ в помощь чертежным для копирования планов заводов и рудников. В 1741 г., например, в школу выдавались бруски чернил и карандаши для «сочинения машинных и прочих чертежей»³⁷.

Основным учебным пособием в школе являлась книга И.Д.Прейслера (1666–1737), главы Нюрнбергской академии живописи, изданная в переводе на русский язык (с параллельным текстом на немецком) академической типографией в 1734 г., – «Основательныя правила, или Краткое руководство к рисовальному художеству»³⁸. Она состояла из трех небольших по объему частей (от 10 до 20 страниц), каждая имела по 18 иллюстраций. Это было первое руководство по изобразительному искусству, изданное на русском языке, которое должно было привить ученикам навыки рисования с натуры. Не случайно Академия наук ходатайствовала перед Сенатом о распространении этого издания в школах России в качестве учебного пособия³⁹. Книга переиздавалась в 1734 г., 1781 и 1795 гг.⁴⁰ и, как отмечают специалисты, играла «...огромную роль в художественном образовании на протяжении всего XVIII в.»⁴¹.

В Государственном архиве Свердловской области нами выявлен уникальный документ, поданный в Канцелярию Главного правления заво-

дов библиотекарем Лаврентием Сехтингом в мае 1740 г., — рапорт о книгах, взятых из Екатеринбургской библиотеки и не возвращенных, несмотря на его напоминания⁴². Сехтинг просил канцелярию, «чтоб повелено было объявленные книги собрать и возвратить по прежнему в библиотеку, ибо у иных неоднократно просил, но оные их не присылают».

Рапорт Сехтинга дает нам представление о круге литературы, использовавшейся в знаменованной школе. Учитель Мирон Аврамов оказался среди наиболее активных пользователей казенной библиотеки. В знаменованную школу «для обучения» Аврамов взял в апреле 1737 г. 11 томов книг⁴³. Среди них были специальные труды по живописи и архитектуре, числившиеся в каталоге библиотеки Татищева, оставленной им в июне 1737 г. в Екатеринбурге, перед отъездом к новому месту назначения — в Самару, главой Оренбургской экспедиции. Эти книги хранились в помещении казенной библиотеки, но являлись личной собственностью Татищева. Среди книг — двухтомная «Кирхнерава Живопись» (видимо, это «Kunst pforte» (Врата в искусство) в двух частях, зарегистрированная в каталоге библиотеки Татищева под № 510; «Декерова. Архитектура цивилии» («Deikers Furstlicher Baumeister oder architectura Civilis, pars I. Augsp., 1711», № 329), «Перспектива хитрости наук» Шиблера («Schÿblers persctivische Zeichen Kunst, pars 1, 1719, pars 2, 1720. Nÿrnb[erg]»), «Аугсбургская золотая резьба» (Augspurgische Gold Arbeit), № 332 и 334. Труд Кларація «Ars pictoria» («Искусство рисования») согласно каталогу книг Татищева являлся составной частью сборника, в который входили еще две книги: «Kromsemers Reis u[nd] Zeichnungs Buch», «Weigels schÿnste Blihmén» (№ 362–363) — «Кромсемера. Книга чертежей и рисунков», «Вайгеля. Красивейшие цветы». Были также взяты книги, имевшие богатые иллюстрации, по ним, видимо, совершенствовал свое мастерство сам учитель, они показывались учащимся, копировались ими. Это «Описание коронации» Анны Ивановны (Москва, 1730) с 14 гравюрами. Учитель взял и одну из 7 книг Ф.Х.Кевенгиллера (1584–1650) — «Анналы Фердинанда», о жизни курфюрста Бранденбурга Фердинанда (1578–1637), лейпцигское издание 1720-х гг. на немецком языке, также имевшие замечательные гравюры исторической тематики, в частности изображения крепостей, битв, виды городов.

Наряду с этими западноевропейскими изданиями были взяты и 3 «тома» книги И.Д.Прейслера. Три части книги не были, видимо, переплетены, поэтому и числились за учителем как три тома⁴⁴.

Все эти книги, за исключением Прейслера, имевшегося и в казенной библиотеке, принадлежали Татищеву, они были взяты Аврамовым в апреле 1737 г., т.е. до отъезда Татищева с Урала. Поэтому можно с уверенностью говорить, что Татищев, владелец книг, разрешал Сехтингу выдавать свои книги учителям, позволял использовать иностранные издания для преподавания в школе, несмотря на высокую цену, заплаченную за них. Из текста росписи следует, что учитель Аврамов обращался к Татищеву за нужной книгой и непосредственно, получал ее из его рук.

Возможно, иллюстрированная Библия помогала Аврамову не только в обучении живописному делу своих питомцев, но и в росписи церквей, в частности, на Сысертском заводе. Примечательно, что в июле 1738 г. Аврамов взял второй том этой Библии, изданной в Нюрнберге в 1720 г., уже у Сехтинга⁴⁵. Но этих 15 книг учителю было не достаточно, и в апреле 1739 г. он взял «Боклереву Фантальную хитрость», в декабре на него была записана «Краусова Хисторицкая в лицах Библия»⁴⁶.

Хотя эта книга Боклера не числится в каталоге библиотеки Татищева, она могла принадлежать только ему, т.к. списки поступлений книг в казенную библиотеку в эти годы нам известны, каталог же неполон. В первой партии литературы, переданной Татищевым в пользу заводов по приезду на Урал за плату, имелась другая книга этого же автора, известного немецкого архитектора и инженера Георга Боклера (1644–1698) – «Механика верная»⁴⁷. Вероятно, сочинение Боклера об устройстве фонтанов имело красочные иллюстрации, которые могли перерисовывать ученики. Вторая книга, облюбованная учителем, – иллюстрированная Библия – прибыла в Екатеринбург в составе партии книг из Самары, она дополнила двухтомную Библию Татищева.

Для обучения нужны были карандаши, кисти, краски. С конца 1735 г. списки на припасы, необходимые школам в следующем году, подавались члену канцелярии Юдину, он оформлял сводные требования. В декабре 1735 г. «к живописному делу» было затребовано 28 названий красок, кисти хорьковые большие, средние и малые 200, три барсучьи кожи; по 5 фунтов: щетин свиных, охры турецкой темной, скипидару, к рисованию карандашей красных и черных; хвостов хорьковых «пятков», александрийской бумаги 3 дести, картузной – 6 (десть – 24 листа)⁴⁸. Татищев вместе с А.Хрущовым приказали: краски, «каких нет здесь», карандаши, хорьковые хвосты купить на Ирбитской ярмарке, бумагу – в Москве⁴⁹. На 1737 г. учитель затребовал до 30 цветов красок, в том числе две «венеци-

анской», умбру немецкую и турецкую, но члены канцелярии уменьшили число красок наполовину, как и большинство других припасов. Решено было купить щетинок свиных 10 фунтов, шелку китайского на вязание кистей 5 золотников, мыла 10 фунтов, золота червонного 3 «книги», в 20 «книгах» серебра было отказано. Утиных крыльев решено было купить 30 штук, как и просил учитель, гусиных же 30 вместо 50 и лебязьих 10 вместо 20⁵⁰.

На 1745 г. запрашивалось бумаги «на рисовку и тушевку» 12 дестей (№ 1), «александрийской на тушевку» – 12, «картузной серой на подкладки ученикам 8 листов», «мелу белого для рисовки» 5 фунтов, 40 хорьковых хвостов, клею на кисти 1 фунт, «барсуков на кисти и на фленцыи 2», ниток на кисти 1 фунт, дюжина толстых карандашей и т.д. Отдано было и 6 скамей в починку⁵¹.

Иногда Аврамов заказывал припасы дополнительно: в октябре 1737 г. просил выдать 70 свечей «для остережения книг» и прочих, «имеющихся при школе припасов и картин»; плиту, изготовленную на гранильной фабрике, отполировать и передать школе для растирания красок⁵². Летом 1749 г. были заказаны на Ирбитскую ярмарку карандаши, чернила, хвосты хорьковые и беличьи для изготовления кистей, но до сентября их не купили, из-за этого в обучении произошла остановка. Поэтому решено было купить у купца в Екатеринбурге, хотя и дороже, половину карандашей, чернил 30 брусков, часть хвостов; заказать хвосты и на ярмарку, а 24 карандаша и 2 коробки чернил – в Берг-коллегию⁵³.

Знаменованная школа, несмотря на небольшое число учащихся, получила свое помещение: на зиму 1736 г. дрова в нее выдавались особо, с октября месяца⁵⁴. В 1737 г. начальство о дровах школам «забыло», 20 октября Миронов сообщал канцелярии: «время хладное, и [из-за] нетопи оной школы печи ученикам обучаться и знаменить невозможно»⁵⁵. Только 31 октября последовало решение о выдаче дров всем школам.

В июне 1745 г. в условиях нехватки людей начальство назначило Миронова лесным надзирателем на Сысертский завод⁵⁶, работа школы пресеклась. Но в октябре 1746 г. президент Берг-коллегии А.Томилов во время пребывания на Урале приказал возобновить занятия в знаменованной школе, а на Сысертский завод послать другого человека⁵⁷.

После скоропостижной смерти Аврамова (он заболел во время обследования месторождения красок в Сысерти в мае 1753) обучать школьников поручено было его лучшим ученикам Ивану Морозову и Егору

Южакову «с переменою». С июня 1754 г. занятия стал вести Южаков, назначенный официально подмастерьем с жалованьем 18 руб. в год⁵⁸. В декабре 1757 г. жалованье ему было повышено до 24 руб., т.к. будучи подмастерьем, продолжал совершенствовать свое мастерство. Знание арифметики, геометрии, умение рисовать планы и делать чертежи, рисовать и тушевать на бумаге, Южаков дополнил навыками грунтовать на дереве и холсте, «подтушевать, помалевать, вызолотить и отживить из масла (хотя не так, чтоб против чистой живописной работы умеет)...»⁵⁹. В 1762 г. Южаков был послан в Петербург для сопровождения каравана с мраморными изделиями и, как специалист высокого класса, оставлен на время в Берг-коллегии. Президент Берг-коллегии И.А.Шлаттер, автор «Обстоятельного наставления рудному делу», поручил ему роспись красками «по изданным им... чертежам плавильным и прочим горным печам и другим вещам моделям по содержанию каждого качества...». Эту работу не мог выполнить живописец Академии наук, Южаков же раскрашивал модели на пробу «не хуже академического живописца»⁶⁰.

Выпускники школы знаменования использовались в качестве помощников геодезистов при проведении ими картографических работ. (Звонарев и Оберехтин, 1737 г.); Оберехтин в марте 1737 г. был послан с В.Шишковым для этого в Казанское начальство, Звонарев в 1739 определен в ученики геодезии⁶¹. Борисова в 1739 г. направили к камнерезным делам к мастеру Рейнеру, Шагова – в 1744; Михалева в 1745 г. – к доменному уставщику⁶². Палкина и Коптелова начальство отказалось определить к мастерствам по их просьбе в 1746 г., приказало «доучиваться наукам»; в 1747 г. отказало распределить в кузницу и к слесарному делу. В 1748 г. Сунгуров и Коптелов просили определить их учениками резчика на Екатеринбургский монетный двор, куда требовались два человека с навыками рисования, но начальство решило направить туда менее способных Палкина и Пазникова. В 1750 г. Палкин и Денисов были определены в ученики инструментального дела, параллельно должны были совершенствовать свои познания в геометрии, тригонометрии, знаменованиях, для чего по часу ежедневно обучаться этим предметам в школе⁶³. Коптелова зачислили в маркшейдерские ученики, а в 1750 г. произвели в ундер-шихтмейстеры Екатеринбургского завода⁶⁴.

Воспитанник Аврамова Егор Сунгуров в 1749 г. был представлен надзирателем школ Ф.Санниковым на должность подмастерья знаменования и «малевания» в помощь учителю. В школе было уже более 20 уча-

щихся, к тому же для обучения рисованию должны были приходить все ученики арифметической школы, приступившие к геометрии. Но поскольку Берг-коллегия молчала на представление уральского начальства о назначении новых учителей, Сунгурову поручили «смотрение иметь... над каменною мраморною фабрикою и при том самому тому каменному делу и вождению машин практикою обучаться». В 1751 г. он официально был назначен смотрителем первой камнерезной фабрики Екатеринбурга⁶⁵.

Деятельность школы рисования сыграла большую роль в подготовке специалистов для горных заводов: маркшейдеров, геодезистов, чертежников, ее выпускники направлялись и к новому для Урала мастерству – камнерезному делу. За короткий срок школа воспитала собственных рисовальщиков и живописцев, способных обучать молодежь. Навыки знаменования уральских школьников по достоинству были оценены и в столице. Не случайно в 1749 г. в Петергоф на шлифовальную мельницу для обучения «как машины удержать и ими действовать» были взяты 6 учащихся екатеринбургских школ и «совершенно обучень» «содержанию машин и действованию», шлифованию и полированию агатов и прочих камней. В 1757 г. Кабинет императрицы Елизаветы Петровны затребовал в столицу к камнерезному делу уже 20 учащихся екатеринбургских школ, знающих геометрию, от 15 до 20 лет. Среди отправленных были и ученики, которые «знаменования, рисовать и тушевать исправно» умеют (Д.Левзин, С.Вонявин), «знаменования совершенно рисовать умеют» (А.Морозов, Ф.Иванов, Н.Кайгородов)⁶⁶.

Примечания

- 1 См.: Нечаев Н.В. Школы при горных заводах Урала. в первой половине 18-го столетия. М., 1944. С.49.; 100 лет горнотехнической школы на Урале. Свердловск, 1948. С.23; Бударин В.Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII в. и в начале XIX в. // Мат-лы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга – Свердловска (26–29 мая 1948 г.). Свердловск, 1950. С.60,67.
- 2 Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С.92.
- 3 Даль В.И. Толковый словарь. М., 1956. Т.1. С.687–688.
- 4 РГАДА. Ф.248. Оп.2. Д.1527. Л.54.
- 5 Там же. Л.67об.
- 6 ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.10. Л.95об.
- 7 ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.215. Л.715.
- 8 РГАДА. Ф.248. Оп.17. Д.1133. Л.63.
- 9 РГАДА. Ф.248. Оп.22. Д.1528. Л.27об.

- 10 Там же. Л.28об.
- 11 РГАДА. Ф.248. Оп.17. Д.1133. Л.258об.
- 12 РГАДА. Ф.271. Оп.1. Д.12. Л.318–319.
- 13 Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1886. Т.2. С.801–802.
- 14 Там же. С.809, 813.
- 15 Там же. С.816.
- 16 Там же. С.820–821.
- 17 РГАДА. Ф.248. Оп.17. Д.1133. Л.165.
- 18 ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.226. Л.12.
- 19 ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.229. Л.13.
- 20 ГАСО. Ф.24. Оп. 1. Д.631. Л.188–189.
- 21 Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале XVII– начала XX века. Свердловск, 1981. С.6–7.
- 22 Бударин В.Н. Указ.соч. С.60.
- 23 РГАДА. Ф.271. Оп.1. Д.90. Л.580об.
- 24 ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.569. Л.641.
- 25 Там же.
- 26 Там же. Л.639об.
- 27 Там же. Л.637–638об.
- 28 ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.227. Л.208.
- 29 ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.219. Л.155.
- 30 Там же.
- 31 ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.226. Л.167.
- 32 ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.625. Л.192.
- 33 ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.857. Л.120.
- 34 Там же. Л.118.
- 35 ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.2321. Л.55.
- 36 Там же.
- 37 ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.907. Л.441.
- 38 См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725–1800). М., 1964. Т.2. С.469.
- 39 См.: Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время (1725–1740). Л., 1976. С.81.
- 40 Сводный каталог русской книги... Т.2. С.469–470.
- 41 Гравировальная палата Академии наук XVIII века. Л., 1985. С.14.
- 42 См.: ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.2321. Л.222–226об.
- 43 См.: Там же. Л.223.
- 44 См.: Сафронова А.М. Использование книг В.Н.Татищева из казенной библиотеки Екатеринбурга в 30-е гг. XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2001. С.296–337.
- 45 ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.2321. Л.223об.

- 46 См.: Там же. Л.224, 226.
- 47 См.: См.: Сафронова А.М. Екатеринбургская казенная библиотека горного ведомства: Первое приобретение книг В.Н.Татищевым в 1734 г. // Вторые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1999. С.275.
- 48 ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.624. Л.20об.–21.
- 49 ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.228. Л.108.
- 50 ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.693. Л.13–14.
- 51 ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1035. Л.31–32.
- 52 ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.691. Л.223.
- 53 ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.392. Л.228–229.
- 54 ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.236. Л.255.
- 55 ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.691. Л.223.
- 56 ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.349. Л.111.
- 57 ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.50. Л.505.
- 58 ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.449. Л.12.
- 59 ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.491. Л.62–65.
- 60 Козлов А.Г. Указ.соч. С.175–176.
- 61 ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.692. Л.509.
- 62 ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.1035. Л.65–67; Д.1076. Л.296.
- 63 ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.351. Л.280–281; Д.374. Л.347–348; Д.405. Л.105–107.
- 64 ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.402. Л.130.
- 65 ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.389. Л.108–110; Д.411. Л.35.
- 66 ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.2321. Л.963.

*Рукоуев Е.Ю.
(Екатеринбург)*

ДИНАМИКА ДОБЫЧИ ЗОЛОТА И ПЛАТИНЫ НА УРАЛЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В первой половине XIX в. Урал играл видную роль в получении золота не только внутри страны, но и за ее пределами. До конца 1850-х гг. «...шел экспорт золота из Азии в Европу, но если не принимать во внимание золото, добытое на Урале, то экспорт был так незначителен, что не мог дать каких-либо ощутимых результатов»¹.

Благодаря разработке золотых месторождений на Урале и в Сибири Россия долго являлась крупнейшим поставщиком золота на мировой рынок. Начало промышленной добычи золота в США, Австралии и, особенно, в Южной Африке во второй половине XIX в. нанесло ощутимый удар по российской торговле золотом.